Мэй Цзибай одной рукой крепко перехватил запястье Гу Цина, а другой упёрся в диван прямо у его головы. Голос его звучал глухо и пугающе спокойно:

— Гу Цин, ты хоть понимаешь, что несёшь? Неужели жизнь для тебя — пустой звук? Думаешь, можно вот так просто от неё отказаться? А развод… Ты что, вздумал меня этим шантажировать?

Холод в его интонациях был почти осязаемым. Гу Цин почувствовал, как по позвоночнику пробежал озноб, но так и не смог взять в толк, чем именно он так разъярил собеседника. «Надо же, — мелькнула едкая мысль, — вывести из себя этого вечно невозмутимого, до тошноты вежливого господина… Какое достижение».

Впрочем, было не до смеха. Вспышка гнева Мэй Цзибая заставила Гу Цина немного протрезветь. Он попытался вывернуться и посмотреть мужчине в глаза, но в груди всё ещё клокотало раздражение.

— Ты первый начал от меня всё скрывать! — выпалил он. — А теперь что? Пытаешься выставить виноватым меня?!

— Это разные вещи, не путай их в одну кучу.

— Тогда отпусти! Отпусти, и поговорим нормально!

Ещё будучи Юй Цзиннянем, он привык к тому, что Мэй Цзибай мог легко его подавить — тогда он с детства был слаб здоровьем. Но нынешнее тело не должно было так подводить. И всё же Гу Цин не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Беспомощность бесила до зуда.

Лицо Мэй Цзибая тонуло в полумраке комнаты. Он издал короткий, лишённый веселья смешок, но хватку не ослабил.

— Я прошу прощения за то, что скрыл от тебя правду, — произнёс он, и голос его стал ещё тише. — Но если ради мести ты готов расстаться с жизнью… ты хоть на секунду подумал о тех, кто рядом с тобой?

До Гу Цина наконец дошло, в чём корень проблемы. Он поспешно возразил:

— Это были просто слова! Сгоряча сказал, ясно тебе? Я не собираюсь лезть в петлю. У меня Корпорация Гу, старики в семье Гу… Я знаю свою ответственность и не брошу их. И ещё…

Он замялся, голос его упал до шёпота:

— Я ведь собирался тебя добиваться. Не думай, что я так просто сдамся. Я планировал

прожить с тобой до самой гробовой доски.

К концу фразы он окончательно успокоился. Видимо, слова о смерти задели Мэй Цзибая за живое.

Гу Цин слишком хорошо помнил, как оборвалась жизнь Юй Цзинняня. Кто-то уже заплатил самую высокую цену, пытаясь распутать клубок тайн вокруг семьи Юй. Страх Мэй Цзибая перед самим словом «смерть» был понятен. И то, что он так вышел из себя, лишь подтверждало: Гу Цин для него — далеко не пустое место.

Почувствовав, что юноша больше не сопротивляется, а в его голосе звучит раскаяние, Мэй Цзибай немного расслабил пальцы. Он посмотрел на профиль Гу Цина, уткнувшегося лицом в подушки дивана, и, справившись с эмоциями, тихо добавил:

— Хорошо, что ты это понимаешь. Жизнь важнее всего остального. Пообещай мне: что бы ни случилось, как бы ты ни злился, больше никогда не произноси подобных слов.

Гу Цин глухо отозвался, подтверждая уговор. Ощущение близости смерти — это то, что он точно не хотел бы испытывать снова.

— Но я всё равно считаю, что нам нужно выманить их на свет, — добавил он упрямо.

Мэй Цзибай отпустил его и сел рядом, устало массируя переносицу.

— Не нужно решать всё в один момент. Давай ещё раз всё обдумаем. Не делай опрометчивых шагов.

Гу Цин не спешил подниматься. Мэй Цзибай приложил немало силы — запястье ощутимо ныло. Спустя минуту он всё же медленно сел и уже хотел пересесть в кресло напротив, но тот удержал его за колено, заставляя остаться рядом.

Гу Цин невольно взглянул на него, но промолчал.

Мэй Цзибай взял его за руку и принялся осторожно растирать покрасневшую кожу, разминая сустав.

— Позже приложим холодное, — негромко сказал он.

Гу Цин смотрел на него в упор. Сейчас этот человек обращался с ним как с хрупкой фарфоровой куклой — бережно, почти трепетно. В горле встал комок.

— Я не сахарный, не развалюсь, — пробормотал он. — Пару раз покручу рукой, и всё пройдёт.

Мэй Цзибай переплёл свои пальцы с его, заставляя кисть медленно вращаться.

— Ты такой же упрямый, как Цзиннянь, — его голос звучал почти печально. — Почему ты никогда не признаёшься, когда тебе больно? Цинцин… если бы я раньше осознал свои чувства к нему, я бы ценил его больше. И сейчас мне не пришлось бы жить с этим грузом сожалений.

Гу Цин замер. «Он не хочет повторять ошибки прошлого… Значит, он допускает, что может полюбить меня?» — эта мысль заставила сердце забиться чаще.

В комнате воцарилась тишина, и остатки раздражения окончательно испарились.

— Я подумаю ещё раз, — наконец произнёс Гу Цин. — Но и ты подумай. Необязательно ждать идеального момента, когда всё будет подготовлено на сто процентов. Если мы будем медлить… ты не боишься, что «главный кукловод» прознает о нас и сбежит?

Мэй Цзибай на мгновение замер. Он раскрыл ладонь Гу Цина и медленно, палец за пальцем, вывел на ней один-единственный иероглиф.

«Хэ».

Увидев это имя, Гу Цин вздрогнул. Семья Хэ? Если это они, то дело принимает по-настоящему скверный оборот. Теперь понятно, почему Мэй Цзибай так осторожничает.

Семья Хэ, как и семья Мэй, была древним и могущественным родом с бесчисленными ветвями. Если копнуть глубже, эти две семьи были практически равны по силе. Пошатнуть положение такого гиганта, где интересы бизнеса переплетены со старыми связями, было почти невозможно.

Гу Цин не стал гадать, кто именно из младших ветвей замешан в деле, и спросил прямо:

— Хэ Жуйсун?

— Он самый.

Гу Цин снова замолчал. Он так и думал. Никто другой не заставил бы Мэй Цзибая так напрячься. Хэ Жуйсун — глава семьи Хэ, человек с колоссальным влиянием.

В глазах общественности Хэ Жуйсун был уважаемым предпринимателем и меценатом. Несмотря на некоторую тягу к публичности, его благотворительные проекты всегда были

реальными и масштабными.

Действительно, противник из разряда неприкасаемых.

Мэй Цзибай ободряюще похлопал Гу Цина по плечу:

— На сегодня хватит. Тебе нужно отдохнуть. Пока не придут результаты проверки, просто постарайся выбросить это из головы. И помни: никаких импульсивных поступков.

Гу Цин кивнул. Против такого человека, как Хэ Жуйсун, одной наглостью не попрёшь. Можно было легко повторить судьбу «Юй Цзинняня».

Этой ночью сон к нему не шёл. Стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вставал отец — человек, который снился ему крайне редко.

Воспоминания о Юй Чанхуэе давно потускнели. Когда случилась трагедия, Цзинняню было всего шесть лет. Прошло столько времени, что черты лица стёрлись из памяти, и даже фотографии не помогали — живой образ отца превратился в зыбкую тень.

Но ненависть к тем, кто погубил его семью, пустила корни глубоко в сердце.

Если бы не та авария, они с матерью не оказались бы на улице, и она не сгорела бы от непосильного труда на чужбине. Тщательно спланированное убийство, замаскированное под несчастный случай, уничтожило их жизнь.

Мать перед смертью умоляла его всё забыть и идти дальше. Но голос отца в голове каждую ночь напоминал о долге.

В три часа утра он резко сел на кровати, обливаясь холодным потом. В ушах всё ещё стоял безмолвный вопрос: «Почему ты до сих пор не отомстил? Почему те, кто уничтожил нас, всё ещё процветают?»

Гу Цин судорожно вздохнул, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

«Разве я не хочу этого?»

Он мечтал о расплате каждый день. Но семья Хэ — это монстр, которого не свалить одним ударом.

Может… может, начать с малого? Заставить У Цимина, который приложил руку ко всему этому, заплатить первым? Это был бы хоть какой-то шаг к справедливости.

Глаза защипало. Гу Цин взглянул на музыкальный будильник, стоявший на тумбочке, затем запрокинул голову и быстро заморгал, прогоняя слёзы. Тихо встав, он на цыпочках подошёл к двери комнаты Мэй Цзибая.

В коридоре тускло горел ночник. Гу Цин прижался лбом к прохладному дереву двери и замер.

С тех пор как он осознал чувства Мэй Цзибая и свои собственные, у него не раз возникало желание признаться: «Это я, твой Юй Цзиннянь». Но что потом? Что, если Мэй Гуанци не просто стоял в стороне, а был соучастником? То, что он скупил активы семьи Юй за бесценок — неоспоримый факт. Мэй Цзибай верил своему отцу, но Гу Цин был полон подозрений.

Зачем мучить их обоих? Пусть эта тайна останется его бременем.

Он простоял у двери больше часа и вернулся к себе только тогда, когда в доме начала просыпаться тётушка Лю.

Чтобы прийти в себя, он принял ванну, надолго погружаясь под воду и задерживая дыхание, пока лёгкие не начинало жечь. Только выплеснув остатки утренней хандры, он вышел из комнаты, хотя скрыть тёмные круги под глазами и общую усталость так и не удалось.

Мэй Цзибай сразу всё заметил, но расспрашивать не стал. Он просто не позволил Гу Цину сесть за руль, решив лично отвезти его в офис. На прощание он наказал ему отдыхать при первой возможности и пообещал заехать вечером, чтобы вместе вернуться домой.

Гу Цин лишь слабо улыбнулся в ответ. Ему действительно нужно было завалить себя работой, чтобы не сойти с ума от мыслей.

Он планировал пойти спать сразу после ужина — состояние было паршивым, и если сон не придёт сам, он был готов выпить снотворное. Однако планам не суждено было сбыться. Вечером у входа в компанию его ждал не Мэй Цзибай, а водитель из старого поместья семьи Мэй. Он передал, что Е Ваньжун хочет видеть его для личного разговора.

Намёк был прозрачен: Мэй Цзибаю знать об этой встрече не следовало.

Помедлив у машины, Гу Цин быстро набрал сообщение Мэй Цзибаю: написал, что договорился поужинать с Шэнь Боянем и вернётся поздно.

Сев в салон, он устало прикрыл глаза. Водитель лишь исполнял приказ, злиться на него было бессмысленно. Гу Цин понимал, что приглашение Е Ваньжун не сулит ничего хорошего, но даже не мог предположить, в чём причина — в последнее время он вёл себя тише воды, ниже травы.

Мэй Цзибай уже был на полпути к офису Гу Цина, когда получил сообщение. Прочитав его, он

нахмурился. Спустя мгновение, коротко обдумав ситуацию, он скомандовал Сюэ Минтао:

— Разворачивайся. Едем в старое поместье.

Сюэ Минтао мельком глянул на шефа в зеркало заднего вида. Лицо Мэй Цзибая оставалось беспристрастным, но многолетний опыт подсказывал помощнику: что-то идёт не так. Оставалось надеяться, что вечер не закончится грандиозным скандалом.

http://bllate.org/book/17544/1713700